

Кавафис К., Сеферис Й., Рицос Я., Валетас К.
в переводах с греч. **Е.Н. Колесова**

Опубликовано в книге:
Эхо Эллады: Сборник (Сост. и коммент. В. Соколюка; Примеч. Т.
Кокуриной; Худож. Ю. Селиверстов)
М.: Молодая гвардия, 1983,
с. 59, с. 106-111, 111-116, 170-172

Константинос Кавафис

Мартовские иды

Величие опасно, о душа!
От дерзостных стремлений лучше
отказаться, когда не можешь с умом
и мерой им следовать. Чем выше ты взойдешь,
тем зорче и внимательнее будь!

Когда ты достигаешь вершины, о Цезарь,
не пренебрегай советом мудрого человека.
Шествуя со свитой, о славный повелитель,
смотри внимательно, кто идет тебе
навстречу

И когда однажды из толпы выйдет
некто Артемидор и подаст тебе письмо,
говоря торопливо: “Прочти немедленно,
это важно, это касается тебя” –
прошу, остановись; отстрани всех,
кто приветствует тебя и прославляет –
они могут подождать; пусть подождет
и Синклит – прочти, не медля,
предостережение Артемидора!

Йоргос Сеферис

В окрестностях Керинии Эскиз одной “идилии”

But I'm dying and done, for
What on earth was all the fun for?
For God's sake keep that sunlight out of sight.

John Betjeman

Но ведь я умираю, я гибну —
К чему теперь весь этот балаган?
И уберите солнце, ради бога!

Джон Бетджмен

Homer's world, not ours.
W.H. Auden

То мир не наш, то мир Гомера
У. Оден

– Я цветы ей послала по телеграфу...

– Вам джинну или виски?

– ...к серебряной свадьбе.

– Осторожно, там слишком близко

собака – если она не успокоится и не ляжет,
то всю юбку вам перемажет.

– Джину, пожалуй. Теперь она живет в Кенте.

Никогда

не забуду, как выглядела она в церкви, тогда:
шел дождь, был вечер, и было воскресенье...
Играл оркестр – несколько человек из Армии

Спасения.

– А, это в мае, во время всеобщей забастовки.

– У нас не было даже газет – одни листовки.

– Взгляните на эту гору – когда солнце закатится,
она будет похожа на уютную теплую каракатицу.

Это Святой Илларион. По-моему, он лучше смотрится

при луне.

– Она пишет, что какое-то привидение преследует ее

всюду, даже во сне.

– Неужели Святой Илларион?

– Нет, там, в Кенте, у нее дома.

А здесь привидение смотрелось бы лучше... Вам

знакомо

ощущение, что память здесь становится как-то уже и
суше,
точно сонная рыба, выброшенная на сушу, –
она сохнет и глохнет...

– Рыба? Какая рыба?

Голова что-то разболелась.

– Тут недавно вы бы

могли познакомиться с поэтом – у него несколько
бредовый лексикон: чувства он называет

«палимпсестами либидо».

На мой взгляд, он просто до неприличия необычен.
Ужасный эллинофил и насквозь циничен.

– Сноб, наверное.

– Да нет, это просто выверты и так далее.

– Он уже уехал на воды?

– Да, теперь он где-то в Италии.

Говорит, что это, мол, «полезно для мужской

потенции».

Я дала ему адрес Горацио во Флоренции.

– А стоило ли? Он, говорят, болтун.

– Кто его знает...

И потом, в нашем возрасте человек многое прощает –
это своего рода попытка задобрить самого себя. Это,
кстати, все остров влияет, точно кусочек другой

планеты.

– Просто вы не в настроении, Маргарита. Здесь так

красиво –

море, и эти горы...

– Ах, этот дикий пейзаж, который
влезает вам в душу, пристает с мировыми вопросами

праздно?

Вы не обращали внимания, как поутру в зеркале разно
отражается ваше лицо? Солнце всю краску стирает
со щек, и кожа, как у покойника, увядает;
по мне лучше море такое, что раздеваться не просит,
а солнце не слепит глаза, будто фонарь на допросе.
Здесь говорят, что «мир этот не наш,

это мир Гомера»...

Тихо, Рекс!

– Не волнуйтесь, это пустая химера.

Просто фраза. До дому я доберусь и одна.

Мне еще надо купить сорок аршин полотна

Панаису, садовнику нашему: говорит, на штаны ему

надо...

Пока мы беседовали, я вспомнила ту субботу, и вечер,

и прохладу
над Темзой... И лодку, в которой мы с Биллом сидели.
Играла старая пластинка: «О, спой мне песню
укулеле».

Что с ним стало?...

– Его убили на Крите.

Он был красивый мужчина... Так во вторник вы
приходите...

– А Темза текла так тихо... Хотя мне он уже был
не нужен.

Доброй ночи!

– Жаль, что вы не остаетесь на ужин...

Микены

Дай мне руки твои, дай мне руки твои,
дай мне руки твои.

Темной ночью я видел
высокие острые горы
и долину, залитую палевым светом,
и луны задумчивый облик.
Вдалеке, в стороне
камней тяжелая гряда чернела.
Напряжена моя жизнь, как струна, –
конец и начало
последнего мига
в руках моих.

Вязну в земле, подымая громадные камни;
все эти камни я нес, сил моих не жалея,
все эти камни нагие я полюбил как мог,
ведь это камни судьбы моей вечной.
И ранит меня родная земля,
и терзает моя же рубаха,
и боги мои же меня побивают
моими камнями.

Знаю, боги не ведают, что творят; только я
это знал бесконечное множество лет,
от убийцы шагая к убитому, от
убитого – к воздаянию,
от воздаяния – к новым убийствам,
путаясь
в широких складках порфиры;
в тот вечер, когда мы вернулись,

нас встретили гневом эринии;
в траве зачахшей
увидел я змей и гадов хитросплетенье,
ибо ими отмечена времени нашего
злая судьба.

Спящих камней голоса
в самом сердце уснувшего мира
помнят ритмы дневного труда, когда ноги,
забыв об усталости вечной,
землю нагую трамбуют.
Погрязли, погрузли тела в фундамент
инога мира. Глаза их немые
упорно глядят в одну точку,
которой не различить, не увидеть;
душа
сражается, чтобы стать твоею.
Вот и безмолвие хочет покинуть тебя
здесь, где времени жернова замирают.

Книга любви. Стих № 5

Куда ушел день коварный, все изменив однажды?
Разве нет больше рек, чтобы наши суда унести?
Нет разве неба, чтоб исцелить нас от жажды,
Чтобы душу от лотоса ласковой неги спасти?

С окаменелой надеждой мы поверить готовы сказке:
Занавес распахнется, и станет явью мечта;
Мы ангела ждем, как древней драмы развязки
На закате, когда умолкают робко уста

Алых роз... Роза алая ветра и судеб усталых,
В памяти жить ты осталась, но памяти шаток мост.
Ты ушла, стала сном, тяжким ритмом шагов
запоздалых,
перекатами близкого шторма на море... Мир прост.

История-миф III

Просыпаюсь рядом с мраморной головою, и руки мои
немеют под ее тяжким весом – что с нею делать,
не знаю.
Она вторглась в мой сон, когда я уже был
на пороге яви, и сплелись наши судьбы, и их уже
не развести.

Я гляжу ей в глаза – ни закрыты они, ни открыты,
ко рту ее обращаюсь, готовому высказать нечто,
и за щеки беру – и отделяются щеки от кожи.
Сил моих не хватает –

и руки, будто чужие, ко мне возвращаются снова
отломленными.

История-миф XIV

Три алых голубя в луче бессмертного света
нам рисуют нашу судьбу в лучах яркого света
чистыми красками чувств
друзей и любимых.

История-миф XXII

И потому, что так много наши глаза повидали,
что ничего не сумеют уже различить, –
и до, и после нас память наша – белеющий парус
за изгородью в ночи –
мы видели странные лики, гораздо страннее, чем ты;
мелькнув, они таяли под листвою недвижной
перечного куста.

И потому, что мы поняли, поняли нашу судьбу,
бродя меж разбитых камней целых три или шесть
тысяч лет,
меж руин нежилых, где когда-то, быть может,
был дом наш, –
разве даты прочесть на обломках и вспомнить
о славных делах
нам под силу?

И потому, что сошлись мы и снова потом разошлись,
бились с опасностью мнимой, как говорится, с тенями –
заблудились во тьме и едва отыскали дорогу,
где тянулась полков вереница,
мы увязли в болотах глухих и в озере злом
Марафонском –
под силу ли нам хотя б умереть достойно?

Янис Рицос

Могилы наших предков

Нам надо беречь наших мертвых и хранить их заветы,
а иначе

в некий час
враги подкрадутся, выруют и унесут то, что от них
осталось.

И тогда уже нам,
беззащитным, опасности не миновать. И как жить
тогда

дальше –
без дома, без утвари и без полей, без привычных
могил
славных некогда воинов и мудрецов?

Вспомним,
что в свое время спартанцы выкрали из Тегеи кости
Ореста.

И пусть никогда
не смогут враги проведать, где наших предков
покоится прах.

Только вот
как нам узнать, кто же враг и с какой стороны
ожидать его? Выход только один: никаких величавых
надгробий,
никаких украшений – ведь это только привлекает
внимание.

Нашим мертвым
ни к чему все это – неприхотливы, скромны и
безмолвны,
они равнодушны теперь к елею, жертвам,
дарам, песнопениям.

Лучше
камень простой да ветка герани, маленький тайный
знак,
или вообще ничего. Но вернее в сердце хранить
– а лучше
и вовсе не знать – где их прах захоронен.

Впрочем, странные ныне случаются
вещи – кто знает.

Возможно, мы сами уже разрыли могилы и незаметно
избавились от мертвых.

Напрасно

Напрасно замерли мертвые в ожидании на высоких
своих
постаментх (если обзавелись
таковыми и если их еще не успели разбить) –
напрасно
следят они за давно опустевшими чашами для даров;
никто
не вспомнит о подвигах их, как и множестве прочих,
и не подарит никто
не только что яств или венков поминальных, но даже
и взгляда их статуям обнаженным; отчего?
ведь теперь, вечерами, когда жаворонки и журчание
ручьев
возвещают начало весны,
одинокество становится невыносимым. А нынче
вечером,
когда мы любовались ярким белым полнолунием,
Вангелис
внезапно отошел от нас в сторону, за деревья, тихо
прошептал что-то,
будто тайную молитву, затем снял башмаки (свои
единственные,
да и те уж худые) и почтительным робким движением
возложил их
на одну из невидимых нам могил – то ли Ореста,
то ли Электры.

Метаморфозы

После смерти не раз изменился облик героев, столь
естественно
и немного странно преломленный воображением
живых, –
бывшие
виноградари, как Протосилай, или охотники, как Ипполит,
бывшие рядовые воины (не из лучших) в нарядных
шлемах,
в сандалиях,
и еще кто-то (чье имя забыто), с цветком в зубах, и все
прочие
приняли облик зверей и гадов – змей по большей
части. И впрямь
немало они дали грекам – и до своей смерти, и после,
даже
а таком облике змеином и львином.
Теперь

миновали времена героев; прошла на них мода. Никто
не взывает к ним больше, да и их не помнят. Нам
нужны теперь
антигерои.

Однако сегодня, выйдя на улицу в погожий
мартовский полдень
(земля уже просохла после долгих дождей, и на
каменистом холме
расцвели веселые златоглавки – асфодели, как
именовали их
древние), – сегодня
здесь, за колючей проволокой, мы подходим к краю
обрыва
и смотрим вниз, ожидая,
когда по узенькой полоске прибрежного песка снова
пройдет
рыбак из Эретрии,
с лопаткой Пелопса в сетях, чтоб собрать его воедино.

Яблоки Гесперид

Не пришлись по душе нам ни полубоги, ни боги, ни
сверхчеловеки. А мифы
запутаны слишком – как хочешь, так и толкуй. О чем
они?
Множество намеков на какие-то скрытые мелочи, и
никакого
признания в неведении и неумении объяснить что-либо.
Нам запомнилась все та же местность, где день
встречается
с ночью,
а в сумерках белеют яблони изнывающие под
тяжестью
золотых плодов. Еще нам запомнилось то, что
аргонавты
увидели с палубы корабля за озером Тритонийским –
Дракона недвижимую тушу и сумрачных Гесперид.
Но самой
удачной находкой
стала для нас та “подушка”, которой Герой придумал
смягчить
гнет
порученного ему неба. Эта наивная, истинно
человеческая

уловка расстроила козни хитрого титана Атланта,
сложив весь миф по родной нашей мерке и наделив его
каким-то особым внутренним светом великого
искусства. подлинного

Ниоба

Вот он, тот чудо-памятник из неведомого нам камня,
не изваянный рукой человека, – непокорная, гордая
женщина
над телами своих семерых сыновей и семерых дочерей – из
убитых
так и не вынули стрелы. Сюда, к тому старому месту,
исчерпав и молитвы, и проклятия оглохшим богам
и людям,
шаг за шагом она подымалась, умолкая и каменея,
чтобы стать вечным памятником самой себе. Глыба
каменя черного
да тоненьких два ручейка, что струятся
из-под широкого
лба,
чтоб было чем утолить жажду пастушатам
из священного
града Сипила,
овцам, путникам и странствующим музыкантам.
Теперь,
конечно,
говорят, что там-де спрятаны обыкновенные трубки,
а воду к ее глазам подают из соседнего родника.
А некоторые
уже давно и настойчиво требуют сокрушить этот
памятник,
обожаемый всеми,
эту гордость нашего бедного края – впрочем, оттого
только,
что им проникнуть не терпится в тайну
устройства сего.

Настоящее

“Спустишь, – убеждали его, – не страшись: будет
подъем твой
славен;

тебе откроются будущего приметы”. А он все медлил.
Однако
после приготовлений в храме Удачи он благополучно
отправился
в путь,
миновал алтари Забвения и Воспоминания; жертву
принес
Агамеду и праху его поклонился; затем омылся
в Эркине
сопровождаемый двумя прекрасными отроками
двенадцати лет
натерся маслом и продолжил путь. И лишь в самый
последний
миг,
перед витой металлической решеткой, за которой
скрывалась
святыня, перед черной пастью оракула он остановился.
“Нет, –

вздрагнул он, –
нет, о нет!” И отступил на шаг в смятении. Возможно,
вспомнил Деметрия, этого злополучного копьеносца,
что
сгинул навеки.
Пусть какой-то Аполлоний и принес оттуда
две бронзовые
таблички – но ему-то,
ему-то на что эти пифагорейские глаголы
с их прошедшим
и будущим временами? Для него
важнее настоящее, пусть даже незначительное
и мелкое; а
вообще предпочтительнее неопределенность.
Вдруг будто какая-то пелена спала с его глаз;
он сорвал листок лавра и бросился прочь оттуда,
провожаемый нравочениями и анафемами жрецов.

Новый танец

Там были не только внешние поводы, но и подлинные
причины
и непростые последствия –
страсти, интересы, опасности, страхи – Пасифая,
Минотавр,
Лабиринт и Ариадна с ее прекрасной любовной нитью,
спасительно провешенной в каменном мраке. Затем
последовало триумфальное возвращение Тесея.

Остановившись
в Делосе, он пустился в пляс вокруг Кератона
(знаменитый
алтарь из рогов животных – только из левых)
в сопровождении
афинских эфебов; это был какой-то новый танец,
со сложными
перекрестными шагами, в ярком полуденном свете
как-то
по-своему повторяющий темные изгибы Лабиринта, и
бог его
знает,
что еще, – как расшумелись птицы и цикады в
прибрежной
роще –
вот ты и не понимаешь, да еще солнце припекает,
и эти
стеклянные
блики-осколки на море и на вспотевших телах
обнаженных
танцоров – а танец и впрямь превосходен. Потом мы
забыли
и Минотавров, и Пасифай, и лабиринты, да и самую
несчастную
Арианду,
брошенную умирать в одиночестве на острове Наксос.
Правда,
танец быстро распространился. Теперь его танцуют.
С тех
самых пор,
как в Делосе стали награждать лучших атлетов
пальмовой
ветвью.

Костас Валетас

Орден

*Он почувствовал, что держит что-то в ладони,
разжал пальцы: это был орден...*

Он бился, когда в дверь постучали.

– Кто там?

– Из дворца!

– Откуда?..

Он открыл дверь, все еще думая, что его разыгрывают. В дверях стоял жандарм, который вручил ему перевязанный голубой лентой конверт: приглашение во дворец.

Первым делом он бросился обзванивать всех знакомых, чтобы сообщить им о столь невероятном событии.

Для визита во дворец, однако, нужен костюм. В приглашении указывалось: “Форма одежды – утренний костюм”.

На поиски костюма он потратил целый день. В половине восьмого утра поехал на такси к некоему Ф. за его костюмом. Костюм этот, оказалось, сидит мешком. Позвонил портному. Другому, третьему... Где найти такого, чтобы согласился подогнать костюм за один вечер?

Наконец один согласился. За двойную плату. Это был портной высшего разряда. Пришлось еще дать непомерные чаевые.

Без четверти одиннадцать он был уже во дворце. В приглашении говорилось: “...просят Вас пожаловать в 11 часов”.

Вышеописанный костюм сидел вкривь и вкось. Хотя портной высшего разряда трудился всю ночь...

Ливрейный лакей провел его в большой зал, где какое-то раззолоченное очень официальное лицо (церемониймейстер?) в наполеоновской треуголке сообщило ему:

– Обождите здесь, вас вызовут.

(Хорошо, что сторож, вечно торчащий в подъезде их дома, его не заметил: удалось проскользнуть мимо и сразу поймать такси. Что бы тот подумал, увидев его в таком наряде?..)

Он присел на диван рядом с пожилым господином, лицо которого показалось ему знакомым.

– Простите, вы... вы не профессор Тамвакидис?

– Ну, положим, это я... – пробормотал старик, – но здесь не время и не место. Не нужно разговаривать, а то мы не услышим, когда нас вызовут.

– А вы тоже на награждение?

– Как, и вы?... Такой молодой человек...

– Да, мне только шестьдесят два, – с гордостью объявил он, напрягая голос: профессор был глуховат.

– Тсс... Уже начинают. Молчите и слушайте!..

Он встал, походил немного по залу. В зале сидело человек пятнадцать – он среди них был самый молодой. Все сидели и ждали, видимо, того же, что и он, и одежда на них тоже сидела вкривь и вкось.

Он глянул в большое зеркало и почувствовал себя увереннее: его платье еще куда ни шло. Потом он заметил писателя Н.К., который был известен как ярый противник монархии. Что же он-то тут делает?..

Двинулся к нему, но тот поспешил скрыться за каким-то бородачом, обряженным в широкие рясоподобные штаны.

“Ладно, – подумал он, возвращаясь в глубь зала, – так даже лучше”. Снова посмотрелся в зеркало. Но теперь он себе как-то не понравился.

– Вас вызывают, слышите – вас вызывают!.. – схватил его за руку профессор Тамвакидис. – Идите!..

Он проследовал за очень официальным лицом в экзотической треуголке по длинному, ярко освещенному коридору. Вошли в еще более громадный, ярко освещенный, совершенно роскошный зал. В глубине он различил нечто вроде пьедестала, вокруг которого сидело и стояло еще с полдюжины каких-то официальных лиц. Ноги у него задрожали – куда идти? Он не знал. Остановился, растерянно озираясь.

– Сюда, – легонько подтолкнул проводник, сопровождавший его на положенном расстоянии.

Он подошел к пьедесталу. В мозгу был сплошной кавардак. Оступаясь, подошел ближе. На пьедестале стояло его произведение!.. Ему подали руку, и он пожал ее как можно почтительнее.

– Поздравляю, – раздалось откуда-то из поднебесья.

– Благодарю вас, – промямлил он, стесняясь, давясь словами.

Наконец он снова очутился в коридоре. Остановился. Вытащил мятный носовой платок и вытер взмокшее лицо. Почувствовал, что держит что-то в ладони. Разжал пальцы: это был орден...

Скульптор Ф.Л., которого называли Фидий Новой Греции, выбежал, не разбирая дороги, на пустынную улицу.

На лице у него появилась жалкая улыбка...